

А. И. Павловская

## РАБЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РИМСКОГО ЕГИПТА

**И**ЗУЧЕНИЕ рабовладельческих отношений в Египте и, в частности, в эллинистическую и римскую эпохи имеет большое значение для понимания не только истории самого Египта, но и всего исторического процесса в античном мире.

В современной историографии утвердилось мнение, что в Египте эллинистического и римского времени рабство не играло существенной роли в социально-экономической жизни общества<sup>1</sup> и что, хотя в первые века римского господства рабовладение появилось даже в среде мелких землевладельцев и ремесленников, тем не менее рабский труд использовался преимущественно в домашнем хозяйстве, не находя широкого применения ни в земледелии, ни в ремесле<sup>2</sup>.

Вероятно, для такого рода суждений есть некоторые основания, так как на фоне огромнейшего количества папирусов, содержащих сведения об экономическом и правовом положении лично свободных земледельцев и ремесленников, число документов, относящихся к рабам вообще, очень невелико<sup>3</sup>, а к рабам, занятым производительным трудом, — ничтожно мало. И все же сам по себе этот факт едва ли может рассматриваться как безусловное доказательство незначительной роли рабов в экономике Египта, и тем более нельзя пренебрегать теми сведениями, которые можно извлечь из этих — пусть немногочисленных — документов. Опублико-

<sup>1</sup> «Предположение Эд. Мейера, что в Египте настоящее рабство как противоположность крепостничеству никогда в истории не достигало значительных размеров, полностью подтверждается для периода римского господства свидетельствами папирусов», — писал В. Уэстерман (W. L. Westermann, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955, стр. 120, со ссылками на U. Wilckens, *Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien*, I, 1920, стр. 681—704; T. Reil, *Beiträge zur Kenntnis des Gewerbes im hellenistischen Ägypten*, Lpz, 1913, стр. 170—174).

<sup>2</sup> I. Biežíňská-Malá, *La rôle économique et social de l'esclavage en Egypte au I-er et II-e siècle de notre ère*, «XI-e Congrès International de sciences historiques. Résumés des communications», Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960, стр. 69—70; она же, *L'esclavage dans l'Égypte gréco-romaine*, «Actes du colloque 1971 sur l'esclavage», P., 1972, стр. 81—92.

<sup>3</sup> Так, например, И. Ф. Фихман подсчитал, что из приблизительно 1700 оксиринхских документов I—III вв. лишь в 165 говорится о рабах и отпущенниках (I. F. Fichman, *Sklaven und Sklavenarbeit im spätromischen Oxyrhynchos*, «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», II, 1973, стр. 200—201, табл. 3 и 5).

ванные к настоящему времени папирусы I—III вв. при всей скудости сохранившихся в них данных позволяют, как мне кажется, рассмотреть важный для понимания социально-экономической структуры Египта вопрос: о формах и степени использования рабского труда в основной отрасли египетской экономики — в земледелии. Этот вопрос иногда попутно затрагивался в комментариях к папирусам, в которых упоминаются рабы, или в работах по тем или иным проблемам истории греко-римского Египта, но из специальных исследований можно назвать лишь доклад И. Бежуньской-Маловист «Рабский труд в сельском хозяйстве Египта римской эпохи» на V Международном конгрессе экономической истории, к сожалению, не опубликованный полностью<sup>4</sup>.

Прямых свидетельств об использовании труда рабов в земледелии очень мало. Это прежде всего документы о выполнении рабами повинности по ремонту оросительной системы, датируемые преимущественно II веком н. э. О повседневной практике использования рабов на ирригационных работах свидетельствует, например, фрагмент петиции жрецов одного из храмов в Фаюме (BGU, 176 = W. Chr. 83, время Адриана), авторы которой жалуются, что их рабов привлекают к работам на плотинах вопреки запрещению «отрывать рабов от жрецов» (*ἀποσπᾶσαι τοὺς κείτους ἀπὸ τῶν ἱερῶν*)<sup>5</sup>, так как последние освобождены от ирригационной повинности.

Среди папирусов и острака, содержащих удостоверения о выполнении повинности на ирригационных работах<sup>6</sup>, встречаются документы, где указывается, что раб такого-то или такой-то работал на ирригационных объектах в течение такого-то срока. Например: «Год 21 императора цезаря Тита Элия Адриана Антонина Августа Ция. Работал (в счет) ирригационной повинности прошлого 20 года (в месяце) фаофи 20 и 21, два дня, на пограничном канале (в мериде) Полемона (из комы) Теогониды Деметрий, раб Диогена» (PSI, 1110, см. также р. Lond. 325 и др.).

Сохранился также огромный список (так называемая Charta Borgiana, см. SB, 5124) жителей Тебтуниса и его округа, работавших в 192 г. на ремonte оросительной системы, среди которых числятся и рабы и вольноотпущенники. Против ожиданий, их очень мало: из более чем 350 человек, указанных в списке, лишь 12 рабов и один вольноотпущенник. Возможно, что среди лиц, названных по профессии — погонщиков ослов, пастухов, ремесленников разных специальностей и торговцев, могли быть вольноотпущенники, статус которых не отмечен. Возможно также, что в списке названы лишь рабы, жившие отдельно от хозяев, в действительности же на каналах и дамбах работало значительно больше рабов, но это не более чем гипотеза. Можно лишь сослаться на один документ III в. (BGU, 1634), где соотношение свободных и рабов совсем иное: в докладной записке амфодограмматевса о количестве жителей Филадельфии, обязанных обрабатывать в 9 году правления Александра Севера (230 г.) ирригационную повинность за прошедший год, указывается в числе 40 должников 6 человек рабов.

Помимо сезонных ремонтных работ на ирригационной сети была еще одна, утомительная и однообразная, требовавшая лишь физической силы и выносливости, где, несомненно, применялся рабский труд — это работа на шадуфах. Подтверждением этому могут служить росписи гробниц фара-

<sup>4</sup> См. Пятый Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10—14 августа 1970. Тезисы докладов, ч. I, М. 1970, стр. 73.

<sup>5</sup> В толковании этого фрагмента я следую У. Вилькену (W. Chr., стр. 110).

<sup>6</sup> См. F. O e r t e l, Die Liturgie, Lpz, 1917, стр. 64—69; P. J. S i j p e n s t e i j n, Penthemeros-certificates in greco-roman Egypt, Leiden, 1964.

онового времени (например, роспись гробницы Ипуи в Фивах XIX династии <sup>7</sup>), в письменных же памятниках эллинистического и римского времени трудно найти достаточно определенные свидетельства о том, что именно рабы обслуживали шадуфы и другие оросительные приспособления. Наиболее интересен в этом отношении р. Lond. 131 (тот самый знаменитый папирус, на обороте которого сохранился текст Афинской политики Аристотеля).

Лицевая сторона папируса содержит помесячные отчеты Дидима, сына Аспасия, управлявшего хозяйством Эпимаха, сына Полидевка, в его имении в Гермопольском номе, за период с 1 *тома* по 15 *пахонса* 11 года правления Веспасиана (август 78—май 79 г. н. э.). В отчетах указываются суммы, полученные Дидимом в течение каждого месяца от хозяина либо от продажи хлеба или вина, и ежедневные расходы на оплату разного рода работ с детальным перечислением работников и исполняемых ими операций <sup>8</sup>.

В хозяйство, которым ведал Дидим, входили земли основной усадьбы (*χορίον*), включавшей дом и хозяйственные постройки, сад, виноградник и пальмовую рощу, и еще 10 участков, в основном пахотной земли размером от 2 до 12 арур. А. Швидерек, детально проанализировавшая этот документ, считает, что во владении Эпимаха находилось около 50 арур земли <sup>9</sup>. Работников, указанных в отчетах Дидима, А. Швидерек делит на три группы: а) наемных поденщиков взрослых (*ἐργάται*) и подростков (*παῖδες*); б) постоянных работников, не получающих плату и названных поименно, статус которых она затрудняется определить <sup>10</sup>; в) безымянных постоянных работников, не получающих платы, очевидно, рабского статуса <sup>11</sup>. По ее подсчетам, количество поденщиков в хозяйстве Эпимаха колеблется от одного до 19—20 человек (10 *тома* и 13 *фаофи*), лишь в редкие дни они совсем не упоминаются в отчетах Дидима. Высота оплаты труда взрослого поденщика колеблется от 2 до 5—6 обол, подростков — от 2 до 4 обол в день в зависимости от характера работы и времени года (выше всего в месяцах *туби* — *мехир*).

Так как помимо поденщиков ежедневно на сельскохозяйственных работах было занято еще 4—5 человек постоянных работников, получается, что в хозяйстве Эпимаха периодически одновременно трудилось до 15—25 человек.

Поденщики использовались на всех сезонных работах: они ремонтировали плотины и каналы, охраняли их в период наибольшего разлива, вывозили навоз, готовили землю к посеву; подростки под присмотром кого-либо из постоянных работников занимались прополкой и разного рода работами в саду; поденщиков нанимали во время жатвы, молотбы и для работы на оросительных механизмах.

Согласно отчетам орошение земли было одним из основных видов работ. На протяжении почти трех месяцев, начиная с 1 *тома* (29 ав-

<sup>7</sup> См. V. S c h e i l, Le tombeau d'Apui, «Mémoires de la mission archéologique française au Caire», V, P., 1889, табл. I.

<sup>8</sup> Папирус неоднократно комментировался, см., например, M. S c h n e b e l, Die Landwirtschaft im hellinistischen Ägypten, München, 1925; A. C. J o h n s o n, Roman Egypt to the Reign of Diocletian, Baltimor, 1936, стр. 177—207.

<sup>9</sup> A. S w i d e r e k, Prywatny majątek ziemski w Egipci Wespazjana, Warszawa, 1957, стр. 71. Но судя по числу работников, используемых в хозяйстве Эпимаха, возможно, что он владел большим количеством земли, чем предполагает А. Швидерек.

<sup>10</sup> В литературе на этот счет существуют разные мнения: одни считают пятерых постоянных работников рабами (см. J o h n s o n, ук. соч., стр. 186; А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи, М.—Л., 1949, стр. 204), другие свободными, см. S c h n e b e l, ук. соч., стр. 64.

<sup>11</sup> S w i d e r e k, ук. соч., стр. 96—107.

густа) и до 26 *атюра* (22 ноября), изо дня в день три или четыре постоянных работника (и один поденщик) занимались орошением земель усадьбы. Если кого-то из них направляли на другую работу, на его место ставили поденщика. И в последующие месяцы вплоть до начала *мехира* эпизодически один или два постоянных работника с двумя-тремя поденщиками орошали другие участки земли. Для обозначения этой работы Дидим употребляет термин *ἀντλήειν* «вычерпывать» и, очевидно, речь идет о работе на шадуфах. Кроме того, в отчете упоминается и *ὄρυχον*, т. е. водяное колесо (стк 526, 577, 584 и др.), которое тоже обслуживают постоянные работники.

Таким образом, орошение возлагалось прежде всего на постоянных работников. Что же представляли собой эти люди?

Один из них — Гор, сын Гора, — очевидно, был свободным человеком, работавшим у Эпимаха на основании какого-то соглашения ровно три месяца: с 1 *тога*, по 1 *тюби*. Все это время (за исключением 3 дней на прополке) он занимался вычерпыванием воды. Еще один постоянный работник — Эпимах — работает на шадуфе только полтора месяца, затем он, как и Гор, сын Гора, исчезает из счетов Дидима. Вероятно, он идентичен Эпимаху, сыну Пахнутиса, арендатору пальмовой рощи в восточной части усадьбы (см. стк. 174 и сткк. 187—189, но в 189 стк. возможна описка).

Сложнее выяснить статус трех других постоянных работников. В месяце *атюр* ежедневно на шадуфе работает Харпаэсис, о котором в счетах Дидима больше нет никаких сведений. Наиболее часто в счетах упоминаются Амбрион и Фибис. Амбрион несколько раз назван огородником (см. р. Lond. 131, сткк. 186, 269, 630 и др.). Помимо работы на шадуфе (в месяцах *тог* — *атюр*) он выполнял и другие поручения: с шестью—девятью *παίδε*; он занимался прополкой виноградника и огорода (сткк. 41, 59, 62—63 и др.), подрезывал виноградную лозу (сткк. 380—381), ремонтировал или сооружал шадуф в Томис (сткк. 484—486), работал в винограднике (стк. 507), обслуживал оросительный механизм (сткк. 517, 526, 576 и др.), строил гелиастерий (сткк. 574—575), чистил колодец и канал (сткк. 622, 633). Так же многообразны функции Фибиса: кроме работы на шадуфе, которой он занимался почти непрерывно, с 1 *тога* до 26 *атюра* (лишь 4—7 *фаофи* он помогал Эпимаху составить отчет? — стк. 194), Фибис носил деревья (стк. 328), работал при бане (стк. 335), подрезал виноградную лозу (стк. 379), доставлял навоз (сткк. 407—409), занимался орошением других участков (сткк. 431—32, 439, 443 и др.), молотил хлеб на разных участках вместе с поденщиками (сткк. 503, 583, 601 и др.), возил солому (стк. 509) и т. п. Иногда Амбрион и Фибис получали небольшие суммы от Дидима по указанию Эпимаха на какие-то цели или за что-то, но не в качестве регулярной оплаты. Несмотря на обилие сведений о деятельности Амбриона и Фибиса нельзя сделать определенного вывода о правовом статусе этих лиц. Основываясь на том, что они исполняют самые разнообразные функции в хозяйстве Эпимаха, можно лишь предположить, что Амбрион и Фибис находятся в зависимости от хозяина имения, который может использовать их труд по своему усмотрению, любым способом. Это может быть и зависимость типа *парамонэ*<sup>12</sup> и прямое рабство. Можно также с большой долей вероятности предполагать, что их статус был ниже, чем статус Гора, сына Гора, и Эпимаха, сына Пахнутиса, хотя фактически в хозяйстве Эпимаха они занимали, может быть, даже более при-

<sup>12</sup> В тебтюниских *паишрусах* из Мичиганской коллекции сохранились соглашения о *парамонэ*, в которых *парамонарий* обязывается делать все, что ему предпишет кредитор: см. р. Mich. 241.

вилегированное положение: их связь с хозяином имения была более тесной.

В третью категорию работников, безымянных, не получающих платы, и, очевидно, рабского статуса, Швидерек включает некоего *μηχανάριος*, работающего вместе с Фибисом на водяном колесе (стк. 26) и какого-то человека, занятого вместе с Фибисом на молотье (сткк. 503, 524 и др.). Не получают плату также каменщик Сарас (стк. 24), птичница (?) Таллуса, которая упоминается в связи с расходами на покупку корма для птицы (сткк. 202, 291, 304). К сожалению, каких-либо дополнительных сведений, подтверждающих или опровергающих предположение о рабском статусе этих лиц, отчет Дидима не содержит.

Итак, при всем богатстве содержания, р. Lond. 131 дал сравнительно скудную информацию о применении рабского труда в земледельческом хозяйстве. Гораздо больше можно почерпнуть из папирусов, относящихся к сравнительно крупным хозяйствам, от которых сохранился не один документ, а целые архивы, содержащие деловую переписку и документы хозяйственной отчетности. Папирологи выявили несколько крупных архивов римского времени, но наибольший интерес для нас представляют документы, принадлежащие семье Сарапиона, сына Автихида, из Гермополя, датированные годами правления императоров Траяна и Адриана (в основном 102—133 гг.) и архивы Эйренея и Геронина, фронтистов (попечителей, управляющих) патримониальных или частных поместий в комах Фаюма, охватывающие период от середины 40-х до середины 60-х годов III в.

Ж. Шварц, тщательно изучивший архив Сарапиона<sup>13</sup>, считает, что его семью следует отнести к числу богатых жителей Гермополя, но едва ли можно причислить к аристократии (т. е. *κοινοί τοῦ γουναστίου*). Сарапиону, его жене и сыновьям принадлежали большой дом с амбарами в Гермополе, усадьбы в коме Магдола Мире с садом и винодельческим заведением и, возможно, в других комах, виноградники, пахотные земли (около 50 арур), большие стада овец. Кроме того, Сарапион арендовал около 200 арур земли, принадлежавшей римлянам, жившим в Александрии. По подсчетам Шварца, годовой доход Сарапиона составлял около 2500 драхм.

К сожалению, документы из архива Сарапиона и его сыновей содержат очень мало сведений о составе принадлежавшей им рабской фамилии. В переписке и счетах упоминаются лишь имена семи-девяти рабов-мужчин (р. Sarap. 79e; 68; 103a и др.) и одной рабыни (р. Sarap. 62, стк. 95). Возможно, рабыней была кормилица Таибис (р. Sarap. 55, стк. 28; 56, стк. 30). Так как обычно в рабских фамилиях в Египте женщин было столько же или даже несколько больше, чем мужчин<sup>14</sup>, и вдобавок еще какое-то число детей, то можно предположить, что семья Сарапиона имела не менее 20 рабов. Некоторые из них, по-видимому, жили более или менее постоянно в усадьбе в коме Магдола Мире, остальные — в Гермополе.

Так, имена рабов Абасканта и Эпафродита упоминаются (р. Sarap. 79e) лишь в связи с уплатой налогов (возможно, лаографии). Аммония, Ахиллеуса, Дионисия посылают с различными поручениями в усадьбу, с ними пересылают продукты, передают деньги и письма (р. Sarap. 81; 82; 83; 84a и др.), а рабы Каллист и Аполлинарий упоминаются преимущественно в документах, относящихся к эксплуатации земель в Магдола Мире. Аполлинарий получает в тезавре деньги на какие-то расходы

<sup>13</sup> См. J. Schwartz, Les archives de Sarapion et de ses fils, Le Caire, 1961, стр. 338—345.

<sup>14</sup> М. Омбер и К. Прео на основании апографы устанавливают такие соотношения: среди свободных мужчины составляют 51,33%, женщины — 48,67%; среди рабов мужчины — 41,03%, женщины — 58,9%. См. M. Nombert et Cl. Préaux, Recherches sur le recensement dans l'Égypte romaine, Leiden, 1952, стр. 170.

(р. Sarap. 55), выплачивает деньги сторожу ячменя (р. Sarap. 68). Каллист неоднократно упоминается в счетах на оплату труда наемных работников: в счете Пекусиса за срезание и шелушение чечевицы (р. Sarap. 72R, col. II) дважды помечено, что он получал деньги от Каллиста; в р. Sarap. 68 Аполлинарий и Каллист выплачивают небольшие суммы на какие-то работы, один раз даже прямо на поле (ἐν ἀγροῖς). Вероятно, они не только выдавали плату наемным работникам, но и осуществляли надзор за их работой. Кроме этих доверенных слуг в усадьбе были, по-видимому, и рабы, используемые только в качестве рабочих.

Характеризуя хозяйственную деятельность семьи Сарациона, Шварц пишет, что существенным источником благосостояния членов семьи была земля, собственная и арендованная, которую они или сдавали в аренду или обрабатывали сами<sup>15</sup>, т. е., очевидно, силами своих рабов и наемных работников. О паличии в усадьбах, принадлежавших семье Сарациона, каких-то постоянных работников свидетельствует один из договоров о найме жнецов: в р. Sarap. 51 обуславливается, что для жатвы на участке в 130 арур в помощь 10 нанятым жнецам Евтихид, сын Сарациона, дает еще троих жнецов. В счете на какие-то уборочные работы (очевидно, жатву — р. Sarap. 72V., col. III) указывается, что в *фаменотхе* 128 г. на одном из клеров работали «чужие» (ξένοι), которым за 49 человекодневной выплачено 42 драхмы (по 6 оболов в день при драхме, равной 7 оболам) и 2 человека «своих» (ἴδιοι ἄνδρες), не получавших никакой платы. Близок по времени и содержанию к этому счету фрагмент ведомости или табеля (р. Sarap. 69), в котором ежедневно отмечается общее число лиц, работавших на том или ином клере, число наемных работников (по 6 оболов за человекодень) и число «своих» (ἴδιοι), не оплачиваемых. Каждый день «своих» работало только 2 человека и они названы по именам: Μαγγύλης и Χιχύσις. Манклес упоминается также в связи с полевыми работами в р. Sarap. 68, col. IV и 72 R., col. I. Хихюиса издатели отождествляют с Хихойтом, сыном Кулота (см. р. Sarap. 55, стк. 25 и 71 R., стк. 4; V., col. II, стк. 1)<sup>16</sup>. Но хотя имя Χιχύσις можно рассматривать как неправильное написание Χιχόσις, едва ли есть основания для такого отождествления, так как по отношению к Хихойту обозначение ἴδιοι ни разу не применяется, а ситуации, в которых он фигурирует, характерны для наемных, оплачиваемых работников (см., например, р. Sarap. 71 V., col. II).

Манкlesa, Хихюиса и Люхноса, упомянутого в числе ἴδιοι во фрагменте р. Sarap. 72 R., col. I, Шварц характеризует как «постоянных (à demeure) сельскохозяйственных рабочих»<sup>17</sup>. Но если отказаться от весьма проблематичного отождествления Хихюиса и Хихойта, сына Кулота, то с одинаковой вероятностью можно отнести этих трех людей и к категории рабов.

В контрактах и счетах на оплату поденных наемных работников (ἐργάται) называются лишь сезонные работы, связанные с уборкой урожая — жатвой, молотьбой, уборкой кормовых трав, чечевицы, фасоли, арака. Труд поденщиков оплачивался сравнительно высоко — по 4—6 оболов в день. Так как совершенно отсутствуют счета на обработку земли и посев, очевидно, эти работы производились силами постоянных работников — рабов или свободных. Кроме поденщиков в документах неоднократно упоминаются работники свободного статуса: Пекусис, от имени которого составлены небольшие счета на работы, Хихойт, сын Кулота, пастух Пасхей, за которого платят грамматикон, а также лица, чей статус не указан: буколы и поймены (пастухи мелкого скота), погонщики ослов,

<sup>15</sup> S c h w a r t z, ук. соч., стр. 342.

<sup>16</sup> См. примечания к р. Amh. 126 = р. Sarap. 55 и примечания к р. Sarap. 69.

<sup>17</sup> S c h w a r t z, ук. соч., стр. 341.

сторожа, плотник и др. Всем им выплачиваются небольшие суммы денег, выдается пшеница. Таким образом, можно предполагать, что в хозяйстве Сарапiona на полевых работах и в скотоводстве использовался и труд рабов и труд свободных, связанных с ним какими-то долгосрочными договорами или обязательствами.

Примерно те же формы эксплуатации труда можно проследить и в крупных хозяйствах на патримониальных или частных землях в Фаюме в середине III в. по архивам Эйренея и Геронина<sup>18</sup>.

Из всего комплекса вопросов, возникающих даже при беглом знакомстве с этими архивами, остановимся лишь на одном: о составе работников, используемых Эйрнеем и Геронином. При изучении документов мы прежде всего сталкиваемся с терминологическими трудностями. В счетах и переписке Эйренея и Геронина для обозначения работников и подчиненных им лиц употребляются термины *παιδάριον*, *ἐργάται*, *οἰκέται*, *μετρηματῖαι* (последние два часто в сокращенных формах: *οἶκ* и *μετρη* или *μετη*).

В папирусах римского времени *παιδάριον* — обычное обозначение раба в письмах и документах частного характера в контексте, не касающемся правового статуса человека. По-видимому, в таком же смысле это слово употребляется в письмах Геронина и его корреспондентов (см., например, р. Fig. 135; 150; 185). Термин *ἐργάται* (рабочие, поденщики) во II—III вв. употребляется иногда в значении профессии или статуса человека: например, в двух апографы из Арсиной, датированных 189 г., мужчины, подлежащие переписи, называют себя *ἐργάτης* (BGU, 115 и 116). В документах хозяйственной отчетности из архивов Эйренея и Геронина термин *ἐργάτης* применяется преимущественно в значении «поденный рабочий», например, в р. Wessely — Prag. 2 в отчете Геронина за месяц *тот* 2-го года Деция (250 г.) перечислены выплаты *ἐργάταις* за работы по подсышке дамб из расчета по 2 драхмы в день. Однако этот же термин употребляется иногда для обозначения человекодня<sup>19</sup>. Об этом свидетельствуют строки 245—248 р. Wessely — Prag. 1, где говорится: Ἀπερχασία οἰκῆτων καὶ μετρηματῖαιων ἀριθμὸς δεκατρεσσάρων τῶν ἀπὸ αἰῶνος ἂν γινόμενοι ἐργάται τετρακόσιοι εἴκοσι, т. е. «работа, выполненная ойкаетами и метрематиями в числе 14 (человек) с 1-го по 30-е, что составляет 420 эргатов» и далее идет перечисление участков и затраченных на них человекодней без указания оплаты.

Ойкаеты и метрематии в счетах Эйренея и Геронина неоднократно перечисляются доименно в связи с ежемесячными выплатами им жалования (*οφώνιον*) деньгами и продовольствием, очевидно, это были постоянные работники, находившиеся в распоряжении фронтисов.

Термин «ойкет», употреблявшийся сравнительно часто в папирусах эллинистического времени, отсутствует в папирусах I—II вв. н. э., но с середины III в. н. э. вновь входит в употребление. Помимо интересующих нас архивов, он встречается в некоторых документах из Фаюма и Гераклеопольского нома. Так, в договоре на аренду земли из Фаюма, датированном 261 г. (SB, 5126), ветеран в почетной отставке Аврелий Юлий, сын Парменона, арендует на три года у Аврелии Термутарион-Героиды три участка земли, засаженных оливами, и один пальмовый совместно со своим ойкетом Аммоном (καὶ Ἀμμωνᾶ οἰκέτου μου). По-видимому, Аммон принадлежал к категории свободных людей. Возможно, это отпущенник или колон. Примерно в таком же смысле употребляется термин «ойкет»

<sup>18</sup> Архивы Геронина и Эйренея опубликованы, главным образом, в р. Fig. II—III, р. Wessely—Prag. (=SB 9052—9083; 9406—9414), р. Lond., PSI, р. Ryl.

<sup>19</sup> На это обратил внимание Л. Варцл (L. V a r c l, Aus den Archiven von Theadelphia, «Listy filologicke», XXIII, «Eunomia», I, pars II, Praga, 1957, стр. 59).

в папирусе из Теадельфии (SB, 4450), примыкающем к архивам Эйренея и Геронина. Это либеллум Аврелия Эвпродокия, в котором он клянется, что почитает богов и принес им жертвы, себя он называет ойкетом Аврелия Аппиана, экзегета Александрии, приехавшим по делам в Теадельфию. Здесь термином «ойкет» Эвпродокий как бы подчеркивает свою принадлежность к «дому» экзегета Аппиана, хотя по своему положению это свободный человек, может быть доверенный слуга или отпущенник Аппиана.

Возможно и в отчетах Эйренея и Геронина применение термина «ойкеты» обусловлено прежде всего стремлением отметить принадлежность определенной группы работников к «дому» их патронов. Переписка Геронина с лицами, стоящими выше его по служебной лестнице, говорит о том, что перемещением подчиненных ему ойкетов ведает не он, а патроны или близкие к ним лица (см. р. Wessely — Prag. 4; 5; р. Fior. 199; 137; 150 и др.).

Что касается социального положения этих ойкетов, то издатели склонны считать их рабами. Наиболее обстоятельно этот вопрос рассмотрен Л. Варцлом<sup>20</sup>. Напомню его основные выводы, Л. Варцл установил, что в поместьях, которыми ведали фронтисты, основной рабочей силой были две категории работников: ойкеты и свободные постоянные работники — *μετρηματισταί* называемые так потому, что получали не только денежную, но и натуральную плату (*μετρημα*). Хотя Варцл переводит *οικηται* как Knechte (слуги), но считает, что нет оснований сомневаться в их рабском статусе. *Μετρηματισταί* Варцл переводит термином «Deputanten», так как их положение, по его мнению, сходно с положением современных батраков, получающих часть зарплаты натурой. Всего Варцл насчитывает в распоряжении Эйренея 11 ойкетов и 15 «депутантов», а у Геронина — 6 ойкетов и 13 «депутантов». Различия между этими двумя группами отражаются, как он считает, в их именах (среди ойкетов преобладают греческие, среди «депутантов» — местные эллинизированные и египетские) и в размерах помесячной оплаты. Сопоставляя число «депутантов» и рабов в отдельных документах, он утверждает, что первые были численно преобладающей категорией. Отношения их с администрацией и владельцами поместья Варцл расценивает как отношения индивидуального найма и видит в этом доказательство развития в Египте частнособственнических отношений<sup>21</sup>.

Исследование Варцла сняло целый ряд недоумений, связанных со встречающимися в счетах Эйренея и Геронина обозначениями работников, но не со всеми его выводами можно согласиться. Едва ли имена ойкетов и метрематиаев могут служить доказательством свободного или рабского статуса работников, так как каких-либо закономерностей в ономастике рабов в Египте проследить не удается<sup>22</sup>. Более доказательными кажутся сопоставления стоимости содержания этих двух категорий работников. Остановимся на этом подробнее.

Все ойкеты у Эйренея независимо от специализации получают ежемесячно опсонион по 4 драхмы, 4 котилена масла, 1 монохорон (= 1/2 керамион) вина и по 1 артабе хлеба. Метрематиаи получают такое же количество хлеба и вина и двойную сумму денег — 8 драхм. Хотя ведомости на выдачу масла метрематиаям не сохранились, но можно предполагать, что они, как и прочие работники, получали масло из расчета 1/8 котилена

<sup>20</sup> L. V a r c l, *Μετρηματισταί*, JJP, XI—XII, 1958, стр. 97—110.

<sup>21</sup> Там же, стр. 106 сл.

<sup>22</sup> Ср. выводы О. Массона по поводу рабских имен в Греции: O. M a s s o n, *Les noms des esclaves dans la Grèce antique*, «Actes du colloque 1971 sur l'esclavage», P., 1972, стр. 21.



в день. На это указывает суммарная запись о выдаче масла 5 кучерам и 4 погонщикам ослов (р. Wessely—Prag. 6, стк. 142), запись о выдаче масла Пуаресу из Теадельфии (там же, стк. 185; возможно, этот же Пуарес упоминается среди метрематиаев Геронина) и запись о выдаче 6 котиленов масла в качестве дополнительной оплаты десятникам метрематиаев (там же, стк. 145).

В счетах Геронина нет четкого выделения метрематиаев, в общем списке работников иногда указывается специальность, иногда принадлежность к ойкетам. Как и у Эйренея, выдача хлеба и вина одинаковы для всех, а денежные выплаты очень разнятся. Ойкеты получают те же 4 драхмы (за исключением р. Wessely — Prag. 6), метрематиаи от 8 до 60 драхм. Такие колебания в оплате, возможно, объясняются тем, что в отчетах Геронина имеются выплаты десятникам, а также записи об уплате за некоторых из метрематиаев налогов представителям той или иной комы (р. Wessely — Prag, 3, сткк. 38—49; 4, сткк. 32—44; 5, сткк. 32—34; 6 сткк. 36—45). К сожалению, эти данные неполны и трудно сказать, какие налоги и в каком размере выплачивали фронтисы за каждого из метрематиаев, но они служат бесспорным доказательством свободного статуса метрематиаев<sup>23</sup> и свидетельствуют о том, что оплата их труда в несколько раз превосходила оплату труда ойкетов той же профессии (погонщиков ослов, погонщиков быков, возчиков).

Попытаемся подсчитать на основании тех цен, которые имеются в отчетах, стоимость содержания ойкета в течение месяца. При цене пшеницы в 18 драхм за артабу (в среднем, так как цены колеблются от 12 до 24 драхм, см. р. Wessely — Prag. 2—6), вина в среднем 12 драхм за монохорон (от 9 драхм 1 оболы до 18 драхм) и масла 2—4 драхмы за 1 котилен<sup>24</sup> получается, что пропитание одного работника в месяц обходилось около 40 драхм. При этом следует заметить, что ойкеты иногда получали ячменный хлеб, хотя в отчетах всегда указывается пшеница (πρωσ). Так, в р. Wessely — Prag. 10, сткк. 32—35 о расходах ячменя говорится: τῶν ἀρτοκόποις εἰς τὰ φύλλα τῶν οἰκετῶν καὶ τῶν ποταμιστῶν, т. е. «пекарям на хлебцы для ойкетов и потамитов». Мизерный опсоний — 4 драхмы и выдача ячменного хлеба подтверждает предположение о рабском статусе ойкетов. На это же указывает одно из распоряжений Алюпия (р. Flor. 135) о назначении содержания сыновьям раба (παῖδαριον) Сарапаммона Эвдаимону и Полиону в размере по 15 артабы пшеницы, 4 котилена масла, 20 драхм опсоний и 48 драхм в год на одежду. Очевидно, ойкеты получали на одежду столько же или меньше, т. е. не больше 4 драхм в месяц. Следовательно, содержание ойкета в течение месяца стоило около 48 драхм.

Напомним, что поденщики (ἐργάται) получали по отчетам фронтисов от 2 до 4 драхм в день, и использование их труда в течение месяца обошлось бы в 60—120 драхм. Таким образом, наши подсчеты показывают, что наемный труд, особенно труд поденщиков, по-прежнему был сравнительно дорог. Поэтому едва ли правомерно делать вывод о преобладании наемного труда, исходя из численного преобладания метрематиаев. К тому же экономическое положение этой категории работников было, вероятно, достаточно тяжелым, судя по тому что налоги за них выплачивают фронтисы, а сами они получают натуральное довольствие и незначительную денежную доплату. Повторение некоторых имен на протяжении нескольких лет говорит о том, что связи метрематиаев с хозяйствами, которыми ведали фронтисы, были достаточно прочными. И не следует ли

<sup>23</sup> См. J. Bingen, в Chr. d'Ég., 1951, № 52, стр. 383 сл.

<sup>24</sup> По данным BGU 14, в 255 г. котилен оливкового масла стоил 4 драхмы, котилен речного — 2 драхмы 2 оболы. См. J o h n s o n, ук. соч., стр. 316 сл. В Пражских папирусах речь идет, очевидно, о тыквенном масле.

предположить, что они подкреплялись какими-то отношениями зависимости?

Большинство метрематиаев имеет специализацию: это погонщики быков, ослов, верблюдов, пастухи (*βουκόλοι*), кучеры (*ζαδιστήλατοι*). Среди ойкетов также есть специалисты — погонщики быков и ослов, возчики (*χαρνάριοι*), сторож деревьев (*ξύλοσφύλακος*) и, вероятно, пекари. Но вместе с тем ойкеты и метрематиаи участвуют во всех полевых работах: подготовке участков к посеву (вспашке, рыхлении), в посеве, орошении, сборе урожая разных культур, жатве, молотье и веянии (см. р. Wessely — Prag. 1—17; р. Fior. 323, р. Lond. 1170 и др.). Участие в разных работах одного и того же ойкета можно проследить на примере Демеи, часто упоминающегося в архивах фронтистов. В письмах его называют то возчиком (*χαρνάριος* — р. Fior. 251), то погонщиком быков (*ταυρέλατος* — р. Fior. 199, 145), он возит дрова (р. Fior. 251), корабельный лес (р. Fior. 145), работает на возке снопов (р. Wessely — Prag. 17, стк. 128), вспашке (там же, стк. 140), на поливке поля.

Вместе с ойкетами и метрематиаи периодически работают и поденщики: на вырубке сухого (деревьев или лозы? — р. Wessely — Prag. 2, стк. 24), жатве (р. Wessely — Prag. 8, сткк. 29—30), уборке урожая (р. Wessely — Prag. 3, сткк. 92—103), упоминаются неоднократно присланные рабочие по ремонту оросительной системы (*ποταμειτοί* — р. Wessely — Prag. 10, сткк. 35, 40; 2, сткк. 15—20, р. Lond. 1170 и др.).

Итак, сопоставляя архивы фронтистов с архивом Сарациона, можно сделать следующие выводы: в обоих типах хозяйств — и в имении средних размеров в начале II в. и в крупном земельном владении в середине III в. отчетливо прослеживается применение трех категорий рабочей силы: рабов-ойкетов, свободных постоянных работников и эпизодически нанимаемых поденщиков. Если у Сарациона рабы используются и в качестве рабочей силы, и в качестве надзирателей и доверенных лиц, то у фронтистов помощниками служат люди свободного статуса, а ойкеты — только рабочая сила, более или менее квалифицированная. Можно отметить также некоторые изменения в отношениях с постоянными работниками. Если Сарацион выплачивал им по счетам деньги или выдавал пшеницу (р. Sarap. 72 R., col. III; 72 V., col. III) и, очевидно, они сами платили налоги, то метрематиаи получают от фронтистов постоянный опсонион деньгами, а налоги государству платят за них наниматель, т. е. уже более отчетливо прослеживаются какие-то элементы зависимости от нанимателя. Причину всех изменений следует, как мне кажется, видеть не только в больших масштабах хозяйства, но и в общих тенденциях социально-экономического развития — упадке стоимости денег, нарастании сословной иерархии, развитии колонатных отношений.

Что касается мелких рабовладельческих хозяйств, то едва ли у них была возможность применять такие категории работников, как поденщики и метрематиаи. Естественно предположить, что в условиях, когда сами землевладельцы принимали участие в земледельческих работах, рабы составляли единственную подсобную рабочую силу: они работали на шадуфах, были погонщиками скота при вспашке и перевозке грузов, отбывали повинность за хозяина на ремонте ирригационной сети. Обо всем этом можно догадываться, но папирусы не сохранили подтверждений для таких наших догадок.

Налоговая ведомость из Караниды позволяет проследить, что хозяевами большинства упоминающихся в ней рабов были мелкие землевладельцы, платившие небольшие суммы налогов с садов, виноградников и пахотных земель (см. р. Mich. 223, стк. 2444; 2063—66; р. Mich. 360, сткк. 86—90). Мелкому индивидуальному производству, преобладавшему

в Египте в I—III вв. н. э. и обусловленному экономико-географической средой и историческими традициями, могло соответствовать только мелкое рабовладение. Папирусы из Фаюма и Оксиринхского нома свидетельствуют, что основная масса зажиточных семей имела от двух до семи рабов, семьи же, имеющие более 10 рабов, встречаются сравнительно редко.

Рассматривая данные апографы, М. Омбер и К. Прео отмечают, что из 98 семей, состав которых можно установить достаточно четко, только 21 семья (20,1%) владела рабами<sup>25</sup>. Много это или мало? Пытаясь как-то оценить эту цифру, вспомним о подходе В. И. Ленина к цифровому материалу при исследовании земско-статистических данных о разложении крестьянства и развитии капиталистических отношений в русской деревне в конце XIX в. (отнюдь не сопоставляя сами явления). В. И. Ленин пишет: «Численно крестьянская буржуазия составляет небольшое меньшинство всего крестьянства — вероятно, не более одной пятой доли дворов (что соответствует приблизительно трем десятым населения), причем это отношение сильно колеблется в разных местностях. Но по своему значению во всей совокупности крестьянского хозяйства — в общей сумме принадлежащих крестьянству средств производства, в общем количестве производимых крестьянством земледельческих продуктов — крестьянская буржуазия является безусловно преобладающей. Она — господин современной деревни»<sup>26</sup>.

Процентное соотношение дворов «крестьянской буржуазии», т. е. зажиточных крестьян, применявших в своих хозяйствах наемный труд, к общему числу крестьянских дворов в русской деревне было примерно таким же, каким в подсчетах Омбера и Прео оказывается соотношение семей, использовавших рабский труд, к общему числу семей. Но из этого случайного совпадения цифр еще не следует, что рабовладельческие семьи в Египте играли сходную роль в социально-экономической жизни страны.

Как мы видим, Ленин подчеркивает, что экономическая роль «крестьянской буржуазии» определялась не ее численностью, а количеством сосредоточенных в ее руках средств производства и производимых земледельческих продуктов. Очевидно, и для определения экономической роли рабовладельческих хозяйств в Египте необходимо в той мере, в какой позволяют источники, попытаться выяснить их долю в общей сумме средств производства и в общем количестве производимых продуктов хотя бы в рамках той или иной комы. Но это — задача другого исследования.

## SLAVES IN AGRICULTURE IN ROMAN EGYPT

*A. I. Pavlovskaya*

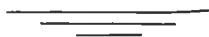
Evidence in papyri of the Roman period on the use of slave labour in land-cultivation is extremely sparse, as has often been observed (Westermann, Bezuńska-Malowitz among others). Nevertheless what evidence there is deserves the most careful study if one wishes to form an objective, unbiassed picture of production relations in Egyptian agriculture of the Roman period.

The use of the labour of privately owned slaves for repair work on the irrigation network is attested in the papyri. It is probable that slaves manned the shadoofs and other irrigation mechanisms (*P. Lond.* 131). The most important information on the employment of slave labour is found in the archives of Sarapion and of the *phrontistai* Heroninos and Eireneios. From the material in these archives the following conclusions may be drawn.

<sup>25</sup> Н о м б е р е т П р е о у х, ук. соч., стр. 170.

<sup>26</sup> В. И. Л е н и н, Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 169.

In both types of agricultural unit, on the medium-sized estate of the early 2nd century and the large estate of the mid 3rd century, the labour force falls into three plainly distinguishable categories: slaves (*oiketes*), free regular labourers and occasional hired day-labourers. If Sarapion's slaves are used both as labourers and as supervisors and agents, the *phrontistai* use free persons as assistants, while their slaves appear only as more or less skilled labourers. Some changes may be discerned in relations with the regular labour force of free men: in the archives of the *phrontistai* elements of dependence on the employer are more marked. Reasons for this may be seen not only in the large size of the estate but also in certain tendencies of socio-economic development — the debasement of money, an increasingly complicated hierarchical structure, the evolution of the colonate. It may be supposed that on small farm units slaves were the only auxiliary force, that they worked the shadoofs, served as drovers in ploughing and transport operations, stood in for their owners in performing work obligations for irrigation maintenance, etc. But about his there is no information in the surviving papyri.



РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ